

Арон Липовецкий

Амфора

Книга стихов

Арон Липовецкий
Амфора. Книга стихов

«Издательские решения»

Липовецкий А.

Амфора. Книга стихов / А. Липовецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936718-1

Для своей книги автор не случайно выбрал название античного сосуда. Стихи из амфоры пропитаны ароматами, гулом и острым вкусом непреходящего. Читатель словно оmyвает чистой водой рисунок и краски на поверхности амфоры. И прикосновение утверждает его в чередe времен и нравов на своем месте.

ISBN 978-5-44-936718-1

© Липовецкий А.
© Издательские решения

Содержание

Римская монета	6
Давиду Фогелю*	7
«А мне приснился сон...»	8
Иерусалим в снегу	9
«Вывалился Иона...»	10
Предместье	11
«Выйдя из предбанника...»	12
Лермонтов	13
«Так ты любила меня...»	15
«У соседей я изредка...»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Амфора Книга стихов

Арон Липовецкий

© Арон Липовецкий, 2018

ISBN 978-5-4493-6718-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Римская монета

Если эту монету правильно развернуть к экрану,
профиль Германика поднимется из ее глубин.
Век свой с собой приведет упрямый и пряный
с подлогом, Калигулой в спину. А ведь сын.

Теперь отложить ее и повернуться к экрану.
Что там такое в Сирии, когда же все началось?
Новый Пизон наносит смертельную рану,
отменяет эдикты. Яды разлиты и сочинен донос.

Давиду Фогелю*

*«Мир ловил меня, но не поймал»
Григорий Сковорода*

Птичка-птичка
фогель-фогель
кому поёшь среди
сирийской мовы
кто ловит тебя
зяблик
в целом мире
на приманку
стрекоз ассирийских
в лесах баварских
кому пел ты
в зимнем бараке
кто слышал тебя
среди лязга
маршей и стонов
со щеглом
пересвист
сквозь скрежет
канкана
кто волну
твою ищет
на дудочке
птицелова
с настройкой
радио своего
ловит и ловит
и не поймал тебя
на той стороне

* Давид Фогель (1891—1944), еврейский поэт, язык иврит

«А мне приснился сон...»

* * *

А мне приснился сон,
что выпал снег в июне
и «временный покров» установился.
И там, во сне, я вспомнил
свой разговор недавний с сыном.
Он говорил, что хоть и холода,
что хоть дожди, а все-таки теплеет,
и снегу все-таки не быть до октября.
Я отвечал, что, мол, не зарекайся,
как знать, в июне тоже снег бывает
и надо быть готовым ко всему.
И вот он выпал, снег,
печальной мудрости моей утеха,
самонадеянности детской вопреки.
Я ликовал злорадно, а потом
был тих и мрачен, хуже белой мыши.
Но это все, но это все – во сне.
А наяву был дождь и южный ветер,
и все-таки июнь тянул к теплу,
и наяву я не был безутешен.

Иерусалим в снегу

Машины сползают с холма, подняться мешает занос.
На обочинах мокрые следы от колес
там как раз, где белизна разлита,
прямо по краю накрывшего Город талита.

Видел он, видывал Иерушалаим всякого.
В снегах смирения взгляд проникает за окоем,
руку вижу Эсава, след ее в каждых вратах на нем.
А голос слышу домашний отцовский, Якова.

– Магазины закрыты. Ужинай без меня. Остальное потом.
– вдоль притихшей дороги разноголосица-метроном
и вторящий Якову шепот в мокром снегу из-под шин:
– Изя, послушай, один Он у нас. Один.

«Вывалился Иона...»

* * *

Вывалился Иона* из рыбы и вырос птицей,
крыльями обзавелся, взлетел и обрел свободу,
по ладоням пустынь предсказывает осанну.
Высмотрел, думал, что о себе, на рябой странице:
«сиротливый ион серебра обогащает воду»,
как одинокий голубь принимает небесную ванну
и в голубых глубинах рыбкою серебрится.

*Иона – голубь на иврите

Предместье

Она у окна вышивала на пядьцах,
Он за углом торговал утюгами.

Он предложил ей сердце и яйца,
Она бы хотела взять деньгами.

Расстались вежливо, без скандала,
Как рассказывает пергамент.

Дверь о косяк ключами бряцала
И длинные тени плели орнамент.

«Выйдя из предбанника...»

* * *

Выйдя из предбанника,
я не стал торопить гардеробщицу,
которая вязала что-то одиноко
под высокими потолками.
Я молча смотрел
на ее потасканное сухое тельце,
на пропитое лицо с накрашенными губами,
на синие руки в бугрящихся венах.
Она тупо сосредоточилась на спицах и петлях.
И платье задралось и открыло колено.
Вдруг она, поправляя жидкую прядку,
увидела меня, перехватила мой взгляд
и отвернулась с откуда-то взявшейся
отчаянной гордостью:
– Подумаешь, мужик! Видала я таких!
И во мне родился стыд,
что не хватает мне
обыкновенного милосердия,
чтобы переспать с этой женщиной.

Лермонтов

Четыре пузатеньких зеленых томика
стоит, пожалуй, убрать на нижнюю полку,
за глухие деревянные дверцы.
Четыре прирученных томика,
купленные мною, девятнадцатилетним,
на рынке за червонец,
за десять рублей надбавки к стипендии.
Тощий общежитский отличник,
запальчиво спорящий о политике,
косящий на волооких однокурсниц,
хмелеющий от условий недоказанных теорем.
Наивный прыщавый отличник,
ошеломленный Лермонтовым.
Верный своему мрачному гению,
несчастливому и злому,
пристально уточняющему
явления своего дикого кровавого рока —
мятежного ничтожества и ядовитого змея.

Взрослый мальчик, пугающий Раича
усталыми глазами,
раздраженный пансионерской трепотней
о вечно бунтующих поляках.
Острый, названный желчным,
осколок декабрьской романтики 25 года.
«Да разве может, поручик, мятеж
вырасти из возвышенного негодования?
Для него нужна куда более крепкая... досада».
«Что тебе, мой милый, пожелать?
Учись быть счастливым на разные манеры
И продолжай беспечно пировать
Под сенью Марса и Венеры».

Выискивай последние записи «Смоуков»
и занятные публикации,
расти по службе,
пересказывай слухи о кремлевских передрыгах
и «спаде в нашей экономике».
А на улице дождь середины осени
да пятничные очереди в винные отделы
под охраной бдительного городского.
Хорошо бы закончить Пятигорском:
горы в снежных шапках, ясные ночи,
княжны Мери...
и демон с простреленной грудью.

И бабушка сокрушается и еще жива...

Я уже старше Вас, милый Михаил Юрьевич.
Я знаю цену вражде друзей и дружеству врагов —
это нормальные склоки.
Да, я не жертвую ни злобе, ни любви
и спокоен на этот счет.
Но как избыть мне того мальчика,
затравленно постигающего себя.
В углу тихой комнаты
с прикрытыми от страха глазами
он твердит, представляя себя
в огромном зале среди толпы:
«Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу...»

«Так ты любила меня...»

* * *

Так ты любила меня,
так оплела мои ноги,
что бегу от тебя и бегу
и забыть я тебя боюсь.

«У соседей я изредка...»

* * *

У соседей я изредка, но бываю.
Докучать боюсь им, но захожу вот
Поглядеть, как прислуживает им нежность.
Собирались соседи мои к отъезду,
Сын их младший у бабушки оставался,
Хорошо им с бабушкой было вместе.
Только вдруг заболел их мальчик некстати,
Простудился и кашель в груди проснулся,
Лоб горячий и потемнели подглазья.
День отъезда все ближе, болезнь все пуше.
Впрочем, врач утешил – недуг не страшен.
Есть лекарства, и заговоры, и травы,
Будет мальчик здоровым через неделю.
– Поезжайте, и с бабушкой он встанет.
День отъезда проходит, но нет ни хлопот, ни спешки,
Нет отъезда, а мать при своем мальчишке,
Варит снадобья, делает растирания.
И в отце нет и тени неудовольствий,
Так же ровен, спокоен и чуть насмешлив.
Врач был точен, вскоре выздоровел мальчик.
Но поездки давно миновали сроки.
Да, конечно, я также пожму плечами:
Ну и что, и зачем это было нужно?
Да ведь в том-то и дело,
Ведь в этом-то все и дело:
Не решали они и не сомневались.
В этом доме неназванной служит нежность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.